

Глава двадцать первая: Тщетные надежды Юаньму

— Давай поженимся! — внезапно выпалил монах, обливаясь слезами и вцепившись в мою руку мертвой хваткой.

— Монах-демон Юаньму? Тот самый высокопоставленный член Клана Охотников? — пробормотал Ши Юй, мгновенно положив руку на эфес меча. — Он ведь должен был явиться, чтобы убить нас.

— Чт... что за шутки?! — Я почувствовал, как кровь отливает от лица.

Голос мой сорвался на едва слышный шепот. Кто-нибудь, скажите, где здесь ближайшая психушка? Как Общество Парящего Дракона вообще позволило такому безумцу ворваться сюда и нести подобную околесицу?

— Я никогда не шучу! — взревел Юаньму, не обращая внимания на Ши Юя, который уже сверлил его тяжелым взглядом, обещавшим скорую расправу за лишние прикосновения.

Монах же, источая патоку и нежность (от которой меня едва не вывернуло), вперился в меня своим «одухотворенным» взглядом:

— Я всю жизнь провел в поисках — искал того, кто был бы столь же предан Будде и столь же склонен к глубоким чувствам. Когда-то я любил одну женщину, но она наотрез отказывалась постигать Дхарму. А я ведь монах! Как я мог взять в жены ту, чей дух не стремится к просветлению? Монахини же на меня и не смотрели... Я думал, мне суждено окончить дни в одиночестве, но небо смилостивилось! Я встретил тебя!

На лбу у меня вздулась вена, а уголок рта нервно дернулся. Вот уж точно — никогда не ври по-крупному. Ну зачем, зачем я ляпнул, что всей душой стремлюсь к Будде? Видит бог, я был прилежным католиком! И вот результат предательства веры — ко мне сватается этот полоумный Юаньму. Кара небесная в чистом виде, не иначе. Я уже был готов покаяться во всех грехах, но монах и не думал замолкать.

— Радость моя, не бойся! Отныне я буду читать сутры, а ты — бить в деревянную рыбу. Пред затухающей лампадой, перед ликом древнего Будды мы вместе встретим старость. Мы посвятим наши жизни милосердному божеству... Разве это не предел мечтаний, душа моя?

Я лишь закатил глаза. Какая чушь. Этот тип рассуждает о просветлении, хотя сам больше похож на разбойника с большой дороги. А я, как назло, не нашел ничего лучше, кроме как вырезать из дерева статуэтки Будды, чем и привлек его внимание... Будь проклята та минута, когда мне стало скучно!

— Мастер, вы — человек, отрекшийся от мира. Не стоит ради такого мирянина, как я, возвращаться в суету сует. Вы ведь погубите свое самосовершенствование, — предпринял я отчаянную попытку вразумить его.

«Буддийский океан безбрежен, мастер, зачем вам лезть в болото брака?»

— Ерунда! — Монах глупо хохотнул, потирая лысину. — Я принял обет еще в детстве и никогда не помышлял о предательстве веры. Но не волнуйся: даже после свадьбы мы сможем вместе изучать каноны. Я буду любить тебя всем сердцем, и Будда не обидится — он всё равно останется для меня на первом месте.

«Мне-то это зачем?!» — я почти видел, как святой ореол, едва коснувшись его лоснящейся макушки, с шипением испаряется.

— Но как же запреты? — продолжал я взывать к здравому смыслу. — Разве монахам дозволено вступать в брак и пренебрегать священными догматами?

— И что с того? Я всё ещё человек! Я ем мясо, пью вино и тоже хочу встретить старость с кем-то близким. Разве не говорят: «Вино и мясо проходят сквозь плоть, а Будда остается в сердце»? Если так, то чем плоха женщина рядом?

Он говорил это с такой непоколебимой уверенностью, что у меня опустились руки.

— О, я вижу, как ты переживаешь за меня! Жёнушка, ты просто чудо! Только и думаешь о моём благе. Иметь такую супругу — дар небес! — Юаньму снова расчувствовался и пустил две дорожки слез по щекам.

Жё... жёнушка?! К черту всё!

— Я мужчина! — рявкнул я, надеясь, что хоть этот факт пробьет его броню.

— А? — Юаньму замер, он нежно погладил мою руку мясистой ладонью.

Он вдруг расплылся в улыбке:

— Кожа такая гладкая — разве бывает у мужчин такая кожа? Впрочем, неважно. Переодеваться в мужское платье в нашем мире куда безопаснее. Не бойся, я не стану заставлять тебя носить женские наряды.

«Да кто ему об этом говорил?!»

— А ну пошел вон! Руки убрал! — Моё терпение лопнуло со звоном перетянутой струны.

Этот буддийский выродок мог довести до исступления даже святого, а я самообладанием никогда не славился.

— Я никогда тебя не отпущу, сокровище моё! Мы вместе отправимся на край света. Твоя чистота не должна быть осквернена этим грязным миром. Я буду защищать тебя всю жизнь! Пойдем!

Не успел я опомниться, как он стальным обручем сдавил мою талию. Монах вознамерился вытащить меня из трактира, и, как я ни бился, вырваться из его хватки было невозможно.

— Отпусти его!

К моему удивлению, тишину нарушил тот самый ясноликий юноша. Ло Сяочэнь уже держал в пальцах несколько изящных метательных ножей, целясь Юаньму прямо в руку, сжимавшую мой пояс.

— Она моя! И я её не отдам! — взревел монах.

В его голосе прорезалось безумие, от которого захотелось просто забить его до смерти чем-нибудь тяжелым. Но я, умевший в обычное время постоять за себя, сейчас не мог даже шевельнуть пальцем под его давлением.

— Юаньму, оставь нашего гостя, и тогда Общество Парящего Дракона забудет о твоём сегодняшнем бесчинстве! — выкрикнул Ши Юй.

Управляющий Цянь, ушедший вслед за Люй Цэчжи, так и не вернулся, и теперь за главного остался старший из братьев Ши. Его меч уже покинул ножны, а скрывавшиеся под личинами слуг бойцы Постоялого двора «Управление ветром» приготовились к схватке.

— Не отдам! Я потратил полжизни на поиски этой родственной души! Пусть даже смерть — я не отпущу!

С этими словами монах, удерживая меня одной рукой, вступил в схватку с Ло Сяочэнем. Ши Юй ударил с фланга, пытаясь отбить меня.

В мгновение ока вокруг засверкала сталь. Я не успел даже вскрикнуть, как Юаньму ловким движением запечатал мои точки:

— Душа моя, закрой глаза и не бойся. Я не вынесу твоего крика. Спи, скоро я увезу тебя прочь от этих дикарей.

От его зычного голоса у меня в голове всё перемешалось. Дикари? Кто здесь настоящий дикарь?! Я в ярости сверлил его взглядом.

— Не смотри на меня так нежно, — пробасил Юаньму, уклоняясь от очередного ножа. — Я же отвлекусь, а мне не хочется, чтобы они тебя поранили.

«Какое еще нежно?! У тебя что со зрением, образина?!»

Дзинь!

Тяжелые четки монаха сбили в полете нож, отбросив его в сторону юноши. Ло Сяочэнь не растерялся и на лету перехватил свое оружие.

— Молодой господин, остановитесь.

Суровый мужчина, всё это время неподвижно стоявший у окна, внезапно шагнул вперед и преградил юноше путь. Это был Цань.

Ши Юй, оставшись без поддержки, начал заметно сдавать позиции. Бойцы Постоялого двора «Управление ветром» пытались помочь, но перевес явно был на стороне монаха.

— Цань, если не собираешься спасать его — уйди! Не стой у меня на пути! — Ло Сяочэнь нахмурился, отдавая приказ, но телохранитель не шелохнулся.

— Молодой господин не должен забывать о поручении главы клана! — холодный, режущий слух голос разнесся по залу, достигнув даже моих ушей.

Юноша замер. В его взгляде, устремленном на меня, смешались гнев, бессилие и горькая обида.

"Прости, я не могу тебя спасти..." — ясно прочитал я в его глазах.

Я заставил себя улыбнуться, пытаюсь его утешить. Что ж, видать, такая судьба. Если я останусь в руках этого монаха, добром дело не кончится. Проклятье, Люй Цэчжи, ну где же тебя черти носят!

Внезапно воздух прошила резкая вспышка. Мощный порыв истинной ци разметал бойцов Общества Парящего Дракона в разные стороны. Воспользовавшись заминкой, Юаньму крепко прижал меня к себе и в несколько прыжков скрылся из виду.

Всё. Мне конец.

<http://bllate.org/book/17512/1659084>